

Д.Х.

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ПИСЬМЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В 1924—1939 гг.
МАРШАЛ МЕРЕЦКОВ. ПЕРВЫЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
ФАШИСТСКИЙ ПУТЧ В АВСТРИИ. 1934 г.
СТОЛЫПИНЩИНА И КОНЕЦ СТОЛЫПИНА
ЧТО ТАКОЕ—ПАЛЕОГРАФИЯ
ЗАГАДКА ДЖОНА БУТА

1966
Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

2

МОСКВА · 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1966 г.

★

Год издания
XLI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Л. М. Зак, М. И. Исаев — Проблемы письменности народов СССР в культурной революции 3
- М. Е. Найденов — О ленинском этапе в исторической науке 21
- С. М. Троицкий — Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в 38
- Е. Б. Черняк — Социалистический интернационал и борьба против войны (1924—1939 гг.) 54
- М. В. Демиховский — Политика правящих кругов США в отношении индейского населения 70
- Дискуссии и обсуждения. Ю. М. Гарушяни — Об азиатском способе производства 83

ВОСПОМИНАНИЯ

- Маршал Советского Союза К. А. Мерецков — Дорогами сражений. Первый Дальневосточный... 101

ПУБЛИКАЦИИ

- Фашистский путч в Австрии в июле 1934 г. и убийство канцлера Дольфуса 110

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

- Б. Ю. Майский — Столыпинщина и конец Столыпина 123

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры и рецензии

- К 50-летию Великого Октября. В. П. Верховь — Литература по истории Красной гвардии 141
- В. А. Федоров — Историография крестьянского движения в России периода разложения крепостничества 148

К 50-летию Великого Октября. Г. Е. Рейхберг — «Районные Советы Петрограда в 1917 году»	156
Ю. В. Воскресенский — В. С. Лельчук. Создание химической промыш- ленности СССР. Из истории социалистической индустриализации	158
В. М. Далин — И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой по- ловины XIX века	160
Новые книги	163
Статьи в советских периодических изданиях	165

Встречи в редакции

Р. Ф. Винокурова — Обсуждение статьи П. М. Рогачева и М. А. Сверд- лина «О понятии «нация»	169
Хроникальные заметки	172

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

А. И. Пушкаш — Венгрия в период второй мировой войны	176
--	-----

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . .	185
Обзор журнала. О. И. Курочкина — «Historical Studies. Australia and New Zealand». University of Melbourne	186
Заметки о статьях. О. М. Медушевская — Обсуждение теоретико-ме- тодологических проблем истории; А. И. Борозняк — Профсоюзы ФРГ против фальсификации исторического прошлого; В. Л. Маль- ков — О роли революционного синдикализма в рабочем движении США; Е. Л. Кушнер — Франция и революция 1848 г. в Италии; И. М. Булычев — Революция 1781 г. в Колумбии; И. З. Романов — Культе средневековья находят новых поклонников; С. Я. Берзи- на — Плавание Ганнона	191
Рецензии на советские издания	198
Хроникальные заметки	200

ЗАМЕТКИ

М. С. Кузьмин — Английское общество культурных связей с СССР	203
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Д. Г. Людмирский — Харьковский тракторный завод и его первый руководитель	207
В. Н. Малов — Что такое палеография	209
Загадки истории. В. Е. Качанов — Тайна Джона Бута	213

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в номере журнала	219
<u>Аркадий Самсонович Ерусалимский</u>	219
Резюме статей на английском языке	220

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

З а к Людмила Марковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории советского общества Московского государственного историко-архивного института. Специализируется по истории советского общества. Автор работ по истории гражданской войны и социалистической культуры в СССР.

И с а е в Магомет Измаилович, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, кандидат филологических наук, специализируется в области изучения проблемы «язык и общество». Автор монографий «Очерки по фонетике осетинского языка», «Очерки по фразеологии осетинского языка» и ряда статей по языковому строительству в СССР.

Найден ов Михаил Емельянович, профессор кафедры истории СССР Московского государственного университета. Автор монографии «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863)», а также ряда работ по советской историографии.

Т роицк ий Сергей Мартинович, кандидат исторических наук, и о старшего научного сотрудника Института истории АН СССР, специализируется по социально-экономической и политической истории России XVIII в., автор ряда статей по этой тематике.

Черняк Ефим Борисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Специалист в области новой истории Англии, международного рабочего движения и историографии. Автор монографий «Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в.», «Историография против истории» и других работ.

Демиховский Матвей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент Института инженеров морского флота (г. Баку). Работает по аграрной истории США. Имеет ряд статей по этой тематике.

Га руш янц Юрий Мисакович, заместитель заведующего отделом истории журнала «Народы Азии и Африки», автор работ по новой и новейшей истории Китая.

Ме р ец ко в Кирилл Афанасьевич, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Видный советский военачальник, участник гражданской войны. В 1921—1941 гг. занимал ряд командных и штабных должностей, в том числе был начальником штаба Белорусского военного округа и ОКДВА, командующим войсками Ленинградского военного округа, заместителем начальника и начальником Генштаба РККА. Во время советско-финляндской войны командовал армией на Выборгском направлении, прорывавшей «линию Маннергейма». В годы Великой Отечественной войны командовал войсками Волховского, Карельского и Первого Дальневосточного фронтов и был заместителем наркома обороны СССР. После войны являлся командующим войсками Приморского, Московского, Северного военных округов и помощником министра обороны СССР по военным высшим учебным заведениям.

Ма й с к и й Борис Юрьевич, пенсионер, в прошлом следователь и адвокат.

ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Созданная основоположниками научного коммунизма теория общественно-экономической формации — вслчайшее завоевание социальной мысли. Она поставила на твердый фундамент всю совокупность наук, призванных исследовать и объяснить сложную историческую действительность, позволила проникнуть в механизм социальных структур, найти законы их движения и управлять ими.

Учение К. Маркса об обществе является предметом непрекращающейся, порой принимающей острые формы полемики, в которую оказываются втянутыми представители всех общественных наук. Марксистам приходится прежде всего бороться с буржуазной наукой. Гносеологи и логики, политэкономы и социологи из идеалистического лагеря безуспешно пытались и пытаются показать несостоятельность теоретико-познавательных и логико-методологических принципов марксизма. Летопись буржуазной историографии после появления марксизма убедительно показывает, какую поистине гигантскую работу проделали ее выдающиеся умы, чтобы дать «историческое» опровержение материалистического учения об обществе.

Развиваясь и обогащаясь в этой борьбе, марксистская наука решает и свои внутренние проблемы, преодолевает свои трудности. Подчас сказывалось и сказывается неумение пользоваться теорией исторического процесса как методом познания конкретной действительности. В случаях, когда ученый не умеет восходить от одной ступени исследования к другой, наблюдается тенденция подогнать многообразный эмпирический материал, без опосредствующих теоретических звеньев, под такие категории, как «формация», «способ производства», «уклад» и т. д. Из этих наполненных глубоким историзмом логико-методологических категорий исследователи, не обладающие достаточной философской подготовкой, конструируют некое «чистое общество», которое, естественно, не выдерживает испытания при столкновении с конкретной действительностью, поскольку, как подчеркивал Ф. Энгельс, говоря о соотношении понятия и действительности, «это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности»¹. Хорошо известно, что открытые К. Марксом законы развития экономических структур, выведенные из изучения конкретных обществ, применялись основоположниками марксизма для исследования опять-таки конкретных социальных организмов со всеми господствующими и противоборствующими в них тенденциями. Забвение этого грозит превращением теории формаций в застывшую схему, под которую подгоняется фактический материал, отбрасывается все то, что противоречит ей. Возникающий при таких чуждых творче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 482.

ской сути марксизма ситуациях «антисхематический протест» у одних ученых находит правильный выход на путях углубленного методологического исследования, у других же вырабатывает инертное отношение к теории, ведущее к голому описательству.

Трудности бывают и другого рода. Они проистекают из наличия социальных структур, не поддающихся глубокому теоретическому осмыслению даже при многократных подходах к ним в силу узости источниковедческой базы исследования или неверно примененных методических приемов (особая сложность возникает перед исследователем, пользующимся сравнительно-историческим методом). И, наконец, по разным (объективным и субъективным) причинам иногда очень долго остаются незамеченными некоторые социальные формы, отдельные звенья исторической эволюции — обстоятельство, которое также тормозит познание законов развития общества. Но уж если найдено такое недостающее звено, оно зачастую ведет к коренному переосмыслению всей концепции всемирной истории. Так было, например, с историей открытия первобытного общества.

Предотвратить различного рода фактические и теоретические ошибки призваны научные дискуссии, которые возникают на разных этапах то в связи с накоплением нового материала, то с пересмотром исходных принципов исследования. На разных этапах развития советской науки об обществе такого рода дискуссии проводились философами, историками и экономистами по всем основным типам производственных отношений, по всем основным периодам всемирной истории. Это и естественно, ибо материалистическая теория развития общества с ее критериями, разработанными К. Марксом, позволяет сосредоточиться на главных, магистральных линиях развития всемирно-исторического процесса. Теоретические дискуссии по проблемам формаций особенно оживились после XX съезда КПСС, отбросившего догматические преграды, сковывавшие исследовательскую мысль. Творческие обсуждения вопросов, связанных с природой рабовладения, генезиса и развития феодализма и капитализма, закономерностей социалистического общества, будят исследовательскую мысль, содействуют подъему теоретического уровня науки и в конечном счете имеют немаловажное практическое значение.

Это касается и вновь развернувшейся в марксистской историографии дискуссии об азиатском способе производства, которая отражает высокий уровень развития исторических знаний и стремление глубже познать общие законы исторического развития, понять традиционные общественные институты народов и стран, сбросивших с себя ярмо колониализма и вставших на путь самостоятельного развития. Правомерно ли, однако, постановка такой проблемы вообще, нужны ли поиски новых типов производственных отношений (ведь стало общепризнанным наличие в истории пяти типов: первобытнообщинных, рабовладельческих, феодальных, капиталистических и социалистических производственных отношений), нет ли здесь возврата к вопросам, решенным в ходе первой дискуссии об азиатском способе производства (конец 20 — начало 30-х годов), — ответить на это во многом помогает прежде всего сама история вопроса. Она позволяет раскрыть природу затруднений, которые заставляют вот уже второе поколение советских историков вновь возвращаться к понятию «азиатский способ производства». За последний год в нашей печати уже появился ряд статей, посвященных этим сюжетам². Вопрос об азиатском способе производства в 1964—1965 гг. ожив-

² См. Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. «Исторические записки». Т. 76, 1965; В. Н. Никитин. Дискуссия советских историков об общественно-экономическом строе Китая. «Народы Азии и Африки», 1965, № 5; Н. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земельную общину. «Народы Азии и Африки», 1965, № 2, 3; Ж. Сюре-Каналь. Традиционные общества

ленно обсуждался в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в институтах философии, истории и народов Азии АН СССР. В данной статье мы стремились учесть опубликованные у нас и в зарубежной прогрессивной литературе работы, а также материалы устных дискуссий, хотя в рамках журнального выступления поднятые при этом вопросы, естественно, можно осветить лишь конспективно.

Понятия «азиатский способ производства», «древнеазиатский способ производства» впервые введены в науку К. Марксом в конце 50—начале 60-х годов XIX века. Что побудило создателя материалистической теории социального развития, не имеющей ничего общего с «географическим» взглядом на мир, охарактеризовать географическим термином «азиатский» одну из стадий экономического формирования человеческого общества? Дать ответ на поставленный вопрос и понять генезис всей проблемы у Маркса поможет обращение к предшествовавшему ему буржуазному обществоведению. Как известно, в строгом смысле слова до XVII—XVIII вв. ни степень контакта цивилизаций, ни уровень науки, ни само мировоззрение европейца с его «европоцентристским» взглядом на мир не давали оснований для всемирно-исторического синтеза. Единая проблема развития общества по общим всемирно-историческим законам «раздваивалась» и приобретала «континентальный» характер. История представлялась в виде столкновений двух якобы в корне противоположных цивилизаций — передовой западной и отсталой, неспособной к развитию восточной (азиатской). Слова «азиатский», «азиатчина» стали с тех пор синонимом отсталости, застоя, вымирания, дикости и самых жестоких форм человеческого общежития.

Положение изменилось с наступлением капиталистической эры. Рост экономических связей Европы, начавшийся после географических открытий, многочисленные захваты в Азии, Африке и Латинской Америке привели к открытию отличных друг от друга социальных структур и заставили науку по-новому взглянуть на все строение общества. Это обстоятельство по-разному было истолковано различными направлениями европейской мысли в соответствии с политическими взглядами и методологическими позициями ее представителей. Попытку найти единые и общие критерии общественного развития и дать эскиз синтетической картины всемирной истории впервые предприняли французские материалисты. Особенно значителен был вклад Монтеスキё. Привлекая доступный науке его времени фактический материал, он нашел некоторые общие природные и социальные факторы, лежащие в основе развития всех общественных форм, и пытался материалистически интерпретировать причины относительно медленных темпов развития стран Востока, отдав приоритет географической среде (климат, почва, территория). Так были поколеблены устои европоцентристской исторической традиции, закрывавшей доступ к исследованию совокупного общества на базе единых критериев. Но Гегель, под влияние которого вскоре подпала европейская общественная мысль, как бы вновь возродил европоцентристский взгляд на развитие общества. В его «Философии истории» опять восторжествовал принцип «раздвоения» мира с его традиционным противопоставлением Восток — Запад.

в Тропической Африке и марксистская концепция «азиатского способа производства». «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, М. Годелье. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества. Там же; В. В. Струве. Понятие «азиатский способ производства». Там же; М. А. Виткин, Н. Б. Тер-Акопян. По страницам журнала «La Pensée» (Обсуждение проблемы азиатского способа производства) «Вопросы философии», 1965, № 3. Обзор работ французских и других западных исследователей, а также библиографию см. в статьях Я. А. Ленцмана, Н. В. Пигулевской и А. И. Павловской. «Вестник древней истории» (далее — «ВДИ»), 1965, № 3; отчеты об устных дискуссиях см.: «Вопросы философии», 1963, № 12; «Народы Азии и Африки», 1965, № 6; «Советская этнография», 1965, № 6.

Географические, континентальные представления о всемирной истории, то обосновываемые легендарным и религиозным материалом (в средние века), то выводимые из духовных начал (у Гегеля), стали преодолеваются в английской политической экономии, искавшей общественные законы в самой сфере производства. Иной (экономический) критерий изучения общества обусловил и соответствующий подход экономистов-теоретиков к азиатскому материалу, позволил им глубже (чем французские материалисты) заглянуть в существо проблемы. Из английских экономистов К. Маркс особенно ценил Р. Джонса, у которого он находил «элементы понимания исторического различия способов производства»³. В труде «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» Джонс дал характеристику докапиталистических отношений в связи с формой собственности на землю. Выделив крестьянскую (феодальную) ренту как первичную, он показал ее развитие в Индии, Персии, Турции и Китае (Юаньского периода)⁴. В работах Р. Джонса мы находим сформулированными многие проблемы, которыми позднее занимался К. Маркс в связи с гипотезой об азиатском способе производства, — форм земельной собственности, ренты-налога, возникающей из прав монарха, роли географического фактора, деспотизма, особенностей социальных структур («поголовное рабство» — «домашнее рабство»), крестьянского и ремесленного труда, причин длительного существования ренты районов (крестьянской ренты), тормозившей, по мнению Джонса, «развитие народа в большей мере, чем любая другая из известных нам форм взаимоотношений землевладельца и арендатора»⁵. Заслуга этого автора состоит, наконец, в том, что он, по существу, снимает «географизм» в исследовании социальных структур: «В современной Европе когда-то преобладали такие же порядки (как в Азии. — Ю. Г.), но здесь они скоро приняли более умеренные формы и в конце концов совсем исчезли»⁶. Географическое понятие «азиатский», которое унаследовано от старой социологии и которым он пользовался, наполнялось, таким образом, социально-экономическим содержанием и уже приобрело универсальный характер, ибо восточная структура в его схеме предшествует европейской истории начального периода.

Если теперь вернуться к поставленному нами вопросу о генезисе понятия «азиатский способ производства» в трудах Маркса, то мы увидим, что географическая терминология заимствована им из предшествующего обществоведения. Но эта чисто семантическая интерпретация еще ничего не дает. Более того, когда, исходя из такого формального основания, некоторые исследователи объясняли взгляды Маркса на азиатский способ производства не преодоленным еще влиянием предшественников или гегельянскими увлечениями раннего периода его деятельности, отрицая, таким образом, самое проблему в целом⁷, это было не ответом на вопрос, а скорее уходом от ответа. В значительной мере эти сомнения можно рассеять достаточно убедительной ссылкой на следующее обстоятельство: применение К. Марксом термина «азиатский» вызвано лишь тем, что именно Азия давала материал о низших социальных формах, которые не были тогда еще открыты в Европе и характер которых подлежал дальнейшему исследованию. Но и в данном случае мы сталкиваемся с мнением, что Восток — побочная и частная тема в творчестве Маркса, что главная цель его жизни — «Капитал» и проблема азиат-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. III, стр. 414. На большое значение этого источника для понимания взглядов Маркса по интересующей нас проблеме впервые указал Н. Б. Тер-Акопян («Народы Азии и Африки», 1965, № 2, стр. 70).

⁴ См. Р. Джонс. Экономические сочинения Л. 1937, стр. 85—103.

⁵ Там же, стр. 101; см. также стр. 85, 242, 315, 334 и др.

⁶ Там же, стр. 29.

⁷ Такой точки зрения некоторое время придерживался С. И. Ковалев. См. «Дискуссия об азиатском способе производства». М.-Л. 1931, стр. 177.

ского способа производства, не более чем географическая, надуманна. На этом основании кое-кем из ученых объявлялась догматической и схоластической вполне естественная попытка как-то разобраться в вопросе, понять, что же в конце концов заставило К. Маркса, действительно посвятившего всю свою жизнь изучению законов капитализма, обратиться к азиатскому социально-экономическому материалу и конструировать особый способ производства. Вряд ли, однако, надо доказывать необходимость максимально бережного и внимательного отношения к творческому наследию великого мыслителя.

Несомненно, что проблему азиатского способа производства К. Маркс ставил исходя из глубоко теоретических и революционно-практических целей и самым непосредственным образом связывал ее с разработкой законов капиталистического производства. С 40-х годов XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс начали изучение буржуазного общества, возникшего в ходе европейской социальной эволюции. Исследование процесса становления буржуазного общества велось, естественно, на материале предшествующих ему европейских форм. Вместе с тем Маркс и Энгельс уже в первый период своего научного творчества в поисках низших (по сравнению с капитализмом) форм не удовлетворяются европейскими античным и феодальным институтами. Весь ход исследования убеждает их в порочности тезиса об извечном характере частной собственности. В поисках ответа на вопрос они обращаются к материалу, относящемуся к различным докапиталистическим общественным структурам. Азиатский континент давал в этом отношении благодатный материал. Отсюда их неизменное и постоянное обращение к истории стран Востока, особенно Индии, в которой они находили более ранние, чем в Европе, остаточные и застывшие формы.

Таким образом, изучение азиатских форм К. Марксом и Ф. Энгельсом не самоцель и строго подчинено общей задаче объяснения законов социального развития, установления исторических путей к капитализму, путей последующего уничтожения этой конечной антагонистической формации. Но вместе с тем с начала 50-х годов XIX в. изучение восточных обществ приобретает для Маркса и Энгельса и самостоятельный интерес, так как революционный подъем азиатских народов поставил перед ними новую проблему соотношения различных потоков мировой революционной борьбы, что, в свою очередь, предполагало исследование взаимодействия разных социально-экономических институтов.

Вышеизложенное показывает, что сама логика постановки проблемы не имеет ничего общего с «географизмом», а взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на социально-экономические процессы в Азии не являются побочными линиями их научной деятельности, а составляют неотъемлемую часть всего теоретического наследия марксизма. Задача исследователя — найти место и определить роль понятия «азиатский способ производства» в общей эволюции взглядов Маркса и Энгельса на развитие общества. Впервые, как известно, понятие «азиатский способ» было сформулировано К. Марксом в 1859 г. в предисловии «К критике политической экономии». «В общих чертах, — писал К. Маркс, — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁸. Термин «азиатский» означает здесь, несомненно,

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 7. Перевод этого отрывка принадлежит В. И. Ленину (см. ПСС Т. 26, стр. 57), уточнившему свой перевод 1894 г. (ПСС Т. 1, стр. 136). В русской литературе широко был распространен и несколько иной перевод, выполненный Г. В. Плехановым в 1908 году. См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. III. М. 1957, стр. 164—165; см. об этом Н. Б. Тер-Акопян. Об одном случае перевода термина *Gesellschaftsformation*. «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», 1965, № 12, стр. 71—77.

универсальную, а не только присущую странам Востока стадию развития общества. На таком толковании понятия практически сходятся сторонники самых противоположных точек зрения относительно социальной природы «азиатского» типа производственных отношений. Безотносительно к тому, считать ли его первобытным, или рабовладельческим обществом, или переходной фазой от первого ко второму, или, наконец, феодализмом, — во всех случаях речь идет об универсальных стадиях.

В ныне происходящей дискуссии некоторые исследователи продолжают настаивать на локальном характере термина. Я. А. Леницман обосновывает свою точку зрения, в частности формально-семантически, ибо, по его мнению, слово «азиатский» не соответствует «универсальности»⁹. Нам подобная трактовка представляется неприемлемой так же, как его толкование понятия «азиатский способ производства» в качестве «обстоятельства производства в странах Востока», которое основано на разграничении понятий «формация» и «способ производства» в отрыве от конкретного контекста¹⁰. Если подставить предлагаемое им значение в приведенную выше цитату из К. Маркса, то она теряет вообще какой-либо социологический смысл¹¹. Ни генезис понятия, ни контекст, ни само развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, повторим еще раз, не дают оснований говорить о «географическом» понимании термина. В конце концов дело не в слове. Главное затруднение состоит в выяснении того, каким содержанием наполнить понятие «азиатский способ производства», строго следуя работам самого Маркса, созданным до 1859 г., то есть до того, как им было впервые введено это понятие. Казалось бы, судя по цитате, где азиатский способ производства стоит на первом месте, речь идет о первобытном обществе как начальной стадии экономического формирования человеческого общества. Если вспомнить к тому же, что гипотеза о первобытном обществе была высказана Марксом в середине 40-х годов¹², то такая трактовка покажется наиболее точной. Однако до 1859 г. все его суждения относительно азиатских экономических форм не дают никаких оснований считать их явлениями первобытного общества в строгом смысле слова. Ибо «азиатская» структура как она описывается Марксом, социально расслоена, в ней действует ~~аппарат принуждения в виде восточного деспотизма и т. д.~~ «Племенной» собственности, о которой К. Маркс и Ф. Энгельс пишут в «Немецкой идеологии» как о самой первой социальной эпохе, присущее, пусть даже в скрытом виде, рабство¹³, не говоря уже об азиатских первичных антагонистических общинных формах, проанализированных в известном конспекте о докапиталистической собственности¹⁴. Не должно вводить в заблуждение и то обстоятельство, что в «Критике политической экономии», касаясь азиатских форм, К. Маркс использует понятие «первобытная общинная собственность», ибо в этом словосочетании первое определение означает лишь «первая», «первоначальная»¹⁵.

⁹ См. «ВДИ», 1965, № 3, стр. 82.

¹⁰ См. там же, стр. 81.

¹¹ Споря с Годелем по несколько иному поводу, А. И. Павловская на основании разных контекстов («Капитал» и «Формы, предшествующие капиталистическому способу производства») трактует азиатский способ производства как «способ производства различных общин» и затем без всякой оговорки ставит под сомнение возможность рассматривать как «самостоятельные и равноценные по социологической значимости» понятия «азиатский, рабовладельческий, феодальный способ производства» (см. указ. соч.).

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 3, стр. 18—35, 49, 63.

¹³ См. там же, стр. 20.

¹⁴ См. К. Маркс Формы, предшествующие капиталистическому способу производства «ВДИ», 1940, № 1, стр. 9—26.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 13, стр. 20, примеч.

Понятия «племенная собственность», «азиатские формы» являются, на наш взгляд, гипотетическими допущениями минимально низких фаз общественного развития, когда К. Маркс в ходе анализа социально-экономического материала все больше убеждался, что частной собственности должен предшествовать свободный коллектив свободных производителей. Собственно, отсюда и его обращение к общинным коллективным формам хозяйства, производственным связям и т. д., которые были широко распространены в Азии, особенно в Индии, и описаны в науке того времени. В поисках аргументов для доказательства существования родового общества К. Маркс в начале 50-х годов (то есть еще до выхода в свет основных работ Г. Л. Маурера) открывает в Индии новый социальный пласт — сельскую (земледельческую) общину и выдвигает гипотезу об ее универсальном характере, считая эту форму исходной для всех народов. Поэтому тезис, развиваемый сторонниками «первобытнообщинного» характера азиатского способа производства, что «азиатская» формация есть логически выведенная из классового общества модель родового строя, имеет определенное основание¹⁶, если брать общую эволюцию учения о производственных отношениях в период до 1859 года. Но такое утверждение правильно лишь частично, в том смысле, что действительно мысль Маркса устремлялась за пределы частной собственности.

Тем более нет оснований приравнивать азиатский способ производства к рабовладельческому обществу, хотя в текстах до 1859 г. при описании азиатских форм К. Маркс упоминал и об институте рабства. Но институт рабства не адекватен рабовладельческому обществу, хотя рабство, как форма эксплуатации, а не как господствующий способ производства, является первой стадией классового расслоения общества. Понятие же «поголовное рабство», которым оперирует К. Маркс, считают условным, употребленным не в строгом социально-экономическом смысле, даже те, кто склонен считать азиатский способ разновидностью рабовладения и настаивает на том, что все общества прошли через рабовладельческую стадию.

После 1859 г. в исследованиях Маркса превалирует тема сельской общины, которая в связи с изучением процесса становления буржуазного общества получает дальнейшее освещение в «Капитале». Уже в 1868 г. К. Маркс пишет Ф. Энгельсу, что выдвигая им «точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами»¹⁷, подтверждена работами Маурера о сельской общине, которая, таким образом, становится универсальной стадией общественного развития. После «Капитала», где употребляется еще термин «древнеазиатский способ производства», это понятие исчезает из работ К. Маркса, хотя он до самой своей смерти не прекращал изучения сельской общины. В ходе многолетнего исследования проблемы К. Маркс установил причины длительного сохранения сельской общины на Востоке, рассматривая их в первую очередь как результат больших масштабов ирригации, преобладания коллективных форм землепользования («системы общин»), прочного соединения земледелия с промышленностью, наличия сильной деспотической власти. Наконец, и это главное, он сформулировал мысль о дуализме сельской общины, о ее переходном характере от архаической формации к классовой, об условиях, при которых берет в ней верх та или иная тенденция. Но, исходя из того, как подходил к проблеме формаций сам К. Маркс, перечисленные черты сельской общины ни в отдельности, ни в совокупности не дают оснований называть «систему сельских общин»

¹⁶ См. Тянь Чан-у. Маркс и Энгельс о проблеме древнеазиатских обществ. «Лиши лунцунь», 1964, стр. 9 (на кит. яз.)

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 36.

самостоятельным способом производства. Об условном применении К. Марксом (в связи с задачей исследования) термина «азиатский способ производства» мы говорили выше. Все его соображения касались типа и структуры хозяйства, форм производственных связей, в том числе обусловленных некоторыми природно-географическими факторами. Следовательно, К. Марксом были очерчены только контуры исследования, сделаны рабочие эскизы, но он, однако, не создал законченной концепции или особого учения об азиатском способе производства. На разных этапах своей научной деятельности он высказывал рабочие гипотезы относительно социальной природы восточных обществ, проверял и совершенствовал свои идеи в связи с новыми открытиями, отбрасывая устаревшие, продолжая исследование вплоть до самой смерти. И если в работах Морган о родовом строе или, скажем, исследованиях Маурера о земледельческой общине К. Маркс находил новые подтверждения своих идей, то этого он не говорил и не мог сказать о выдвинутой им гипотезе азиатского способа производства. [Неправы] поэтому, [на наш взгляд, ученые, которые, не допуская и мысли о гипотетичности этого понятия, пытаются представить азиатский способ производства как некую завершенную теорию в рамках учения Маркса о формациях.

В связи с установлением наличия переходной универсальной стадии от доклассового общества к классовому в работах К. Маркса возникает новая проблема, производная от первоначальной гипотезы об азиатском способе производства. Это проблема становления классового общества и определения характера раннеклассовых обществ, которая опять-таки разрабатывается им на азиатском материале. Важно заметить, что в 70-е годы как в его работах, так и в трудах Ф. Энгельса вопрос изучается уже на материале, строго ограниченном во времени и пространстве, в отличие от предшествующего периода, когда привлекался материал различных по своему характеру эпох. Уже в «Анти-Дюринге» освещается классообразование и становление форм государства на Древнем Востоке.

Однако сторонники отнесения азиатского способа производства к рабовладельческой стадии общества находят аргументы в пользу своей точки зрения преимущественно в работах Маркса и Энгельса 70—80-х годов, в высказываниях Ф. Энгельса о «домашнем рабстве». Но рабство как уклад или элемент уклада существовало при определенных условиях во всех классовых обществах, а для раннеклассовой формации рабство военнопленных являлось тем катализатором, который ускорял процесс имущественного и классового расслоения общества.

Кстати сказать, Энгельс, анализируя в «Анти-Дюринге» происхождение греко-римского рабовладельческого общества, отчетливо показывал, что оно возникло из другого классово-расслоенного социального организма, который еще предстоит открыть и изучить: «Греция уже в героический период вступает в историю расчлененной на сословия, что, в свою очередь, было только очевидным результатом более или менее длительной, неизвестной нам предыстории»¹⁸. Освещая процесс становления классов и государства, Энгельс показывает причины возникновения обществ, где рабский труд становится господствующим способом производства, из других, менее развитых, но социально-дифференцированных общественных организмов¹⁹. Еще раньше К. Маркс писал в «Капитале», что как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство «образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколь

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 181.

¹⁹ См. там же, стр. 164—165.

то-нибудь значительной степени»²⁰. И, конечно, земледельческая община как переходная форма от первичного типа формации ко вторичной (антагонистической) в связи с изучением раннеклассовых обществ приобрела большое значение. Была, помимо всего прочего, найдена та основная производственная ячейка (община), проникновение в суть которой позволило бы ответить на вопрос, являются ли раннеклассовые структуры переходными стадиями или самостоятельными способами производства. Решить проблему нельзя было на уровне науки того времени. Строго говоря, наука о Древнем Востоке только начинала формироваться, изыскания самых ранних стадий европейской истории были в эмбриональном состоянии. Подтвердить или снять новую гипотезу К. Маркса и Ф. Энгельса можно было только в ходе дальнейшего изучения социальной истории древнего мира.

Кроме того, в трудах К. Маркса разрабатывалась еще одна важная проблема, о которой мы уже упоминали, поднятая им в связи с определением характера освободительной борьбы на Востоке и ее взаимодействия с европейским революционным движением. В известном цикле статей об Индии он рассматривал социально-экономические отношения на современном ему Востоке, чтобы определить исторические особенности азиатских обществ, широко пользуясь при этом методом исторических переживаний для установления последовательных этапов развития общества. Не уяснив до конца этой стороны дела, некоторые исследователи буквально все высказывания К. Маркса о Востоке подгоняют под проблему азиатского способа производства, вольно или невольно создавая иллюзию того, что Маркс этим термином обозначал чуть ли не всю классовую историю восточных обществ. В работах Маркса, однако, надо строго отличать понятие «азиатский способ производства», введенное им для изучения ранних стадий общественной жизни, от теоретической разработки исторических путей и особенностей развития народов азиатского континента. Если первая проблема действительно универсальна, то вторая имеет ограниченный, «континентальный» характер. В последующей борьбе, развернувшейся вокруг этой части Марксова наследия, неумение различить эти два аспекта приводило к серьезным теоретическим заблуждениям.

Смешение общего и особенного в связи с проблемой азиатского способа производства особенно характерно было для Г. В. Плеханова, внимание которого гипотеза Маркса привлекала тем более, что в конце XIX — начале XX в. определение характера общественного строя России в связи с практикой революционного движения в стране остро поставило перед русской социалистической мыслью задачу усвоения теории формаций. «Азиатская формация» импонировала Г. В. Плеханову еще и потому, что в домарксистский, народнический период своего творчества он развивал идею об «азиатском», самобытном характере русского исторического процесса, чрезмерно увлекаясь формально-типологическими сравнениями «Восток — Запад», отождествлением русских социальных порядков с азиатскими. Свое понимание проблемы азиатского способа производства (в его переводе — «восточный способ производства») он коротко сформулировал в работе «Основные вопросы марксизма» (1908 г.). «Азиатский» и «античный» способы производства были расценены им как «два сосуществующих типа экономического развития», обусловленные ростом «производительных сил в недрах родовой организации»²¹. Придав решающее значение географической среде, под влиянием которой, по его мнению, главным образом и сформировались два типа производственных отношений, он лишил понятие «азиатский способ

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 23, стр. 346, примеч. 24.

²¹ Г. В. Плеханов. Указ. соч., стр. 165.

производства» универсального характера, истолковав его буквально и рассматривая «Восток» как антипод «Западной Европы», обладающий своей самобытной социальной эволюцией. Главный методологический порок плехановских построений — его антиисторизм. Понятием «восточное общество» он пытался, без фактического изучения форм социальной эволюции, охватить всю классовую историю Русского государства. «Азиатский способ производства» превращался, таким образом, в некую надисторичную категорию, существующую вне определенного времени и пространства. Плодотворную гипотезу Маркса с ее поистине увлекательными научными проблемами, касающимися характера раннеклассовых организмов, Г. В. Плеханов использовал также для борьбы против большевистского лозунга национализации земли²².

Как известно, в борьбе с Г. В. Плехановым В. И. Ленин употреблял понятие «азиатский способ производства» (он дважды цитировал известный отрывок из предисловия к «К критике политической экономии», неоднократно говорил об «азиатчине», об азиатских формах эксплуатации, о восточном деспотизме и т. д.). В этой связи естественно поставит вопрос об отношении самого В. И. Ленина к этой части наследия Маркса. Предпринимались и сейчас предпринимаются попытки доказать, будто В. И. Ленин разделял теорию азиатского способа производства. Сторонники такой точки зрения не могут, к сожалению, привести серьезных аргументов, ограничиваясь, как правило, ссылкой на то, что В. И. Ленин цитировал предисловие к «К критике политической экономии»²³. Однако как видно из контекста, в цитируемом отрывке его внимание привлекал не азиатский способ производства, а главная мысль Маркса — о прогрессивно-поступательном развитии общества. Тем не менее об интересе, который В. И. Ленин проявлял к азиатскому способу производства, свидетельствует его конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса²⁴, хотя в трудах В. И. Ленина понятия азиатского способа производства — как логического инструмента для изучения раннеклассовых обществ — не существует. Употребляемые им часто термины «азиатчина», «восточный строй» — это синонимы отсталости, замедленных темпов развития, обусловленных глубокими социальными причинами. В конечном счете для В. И. Ленина это проблема переживания старых способов производства и в таком плане исследователь находит в его работах много ценных методологических советов.

Мы не имеем возможности, да, видимо, в данном случае нет и особой необходимости более детально, с развернутой аргументацией излагать как взгляды самого Маркса, так и их дальнейшую интерпретацию. Нам важно было показать, как и в какой связи появилась в его трудах проблема азиатского способа производства, какую эволюцию она претерпела и каков тот круг вопросов, которые он наметил для дальнейшего исследования. Главное, как нам кажется, состоит в том, чтобы привлечь внимание к творческой лаборатории Маркса, к необходимости изучать ее историографически, источниковедчески. Таков единственный путь, который предупредит догматическое отношение к проблеме азиатского способа производства, которая уже второй раз дает основание для теоретической дискуссии среди советских историков. В этом плане по

²² Подробнее о взглядах Г. В. Плеханова на «восточное общество» см. И. М. Бровер. Экономические взгляды Г. В. Плеханова. М. 1960, стр. 14—17, 22; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л. 1962, стр. 157—158—161, 170—172; Ф. Я. Полянский. Плеханов и русская экономическая мысль. М. 1965, стр. 32—33, 82, 178—179, 264, 268—269, 293—294, 298.

²³ Такой точки зрения придерживался, в частности, акад. Е. С. Варга (см. «Очерки по проблемам политэкономии капитализма» М. 1964, стр. 363—364), ее разделял и Н. Б. Тер-Акопян («Народы Азии и Африки», 1965, № 2, стр. 75).

²⁴ См. В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М. 1959, стр. 260—261, 263.

учителен опыт истолкования наследия К. Маркса в первой дискуссии об азиатском способе производства²⁵.

Дискуссия о социально-экономическом характере стран Востока выросла прежде всего и главным образом из практических потребностей. Спад первой революционной волны на Востоке в 1927 г. поставил перед Коминтерном и его ведущей секцией — ВКП(б) — задачу: оказать всемерную помощь молодым революционным силам в Азии, выработать в сложившихся условиях правильную тактическую линию, определить характер освободительной борьбы²⁶. Тогда и развернулось обсуждение вопроса о характере восточных обществ, которое должно было противопоставить усиленно внедрявшейся троцкистами идее «торгового капитализма», якобы господствующего в Китае, систему научно обоснованных взглядов на действительную социальную природу азиатских структур. Отсюда и обращение к «азиатскому способу производства» — термину, который начал фигурировать в партийной литературе как условное обозначение специфичности (в рамках общих закономерностей) стран Востока²⁷. Таким образом, молодое советское обществоведение смело ставило крупную социально-историческую проблему, пытаясь ответить на практический запрос в период, когда наука располагала еще недостаточным фактическим материалом для позитивных решений. Само такое «забегание» — явление, частое в науке, — оказало благотворное влияние на последующее ее развитие, приковав внимание исследователей к вопросам методологии истории, к учению о формации. Вспомним, что в тот период у нас были широко распространены противоречащие марксистской методологии модернизаторские концепции относительно социально-экономических отношений древности. Н. М. Постовская в качестве «яркого образца схематизации исторического процесса» и «попыток эклектического примирения марксистского понимания исторического процесса с теорией циклизма» называет работы Н. М. Никольского, И. Г. Франк-Каменецкого и В. В. Струве²⁸, ученых, обладавших серьезным историко-филологическим, источниковедческим подходом к изучаемым явлениям.

Уже начиная с 1933 г. стало заметно, как опыт дискуссии об азиатском способе производства способствовал широкому обсуждению и усвоению теории формаций, без чего немыслимо было дальнейшее развитие советской исторической науки. Кроме того, огромное значение дискуссии состояло в том, что она приковала исследовательскую мысль к проблемам социально-экономического строя стран Востока, наиболее запущенным и не разработанным в отечественной науке. Была предпринята, по существу, первая попытка марксистски осмыслить исторический процесс на азиатском континенте в его взаимодействии с общим ходом всемирной истории. Читая материалы этого обсуждения²⁹, внимательно знакомясь с ними, учитывая тогдашнее состояние науки, профессиональную подготовку участников дискуссии, видишь воочию, как много она предвосхитила в смысле постановки этих проблем.

²⁵ См. Л. В. Данилова. Указ. соч.; В. Н. Никифоров. Указ. соч.

²⁶ См. В. Н. Никифоров. Указ. соч., стр. 79—80.

²⁷ См., например, «Программа и Устав Коммунистического Интернационала». М. 1936, стр. 110.

²⁸ Н. М. Постовская. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.). М. 1961, стр. 77—78.

²⁹ См. материалы дискуссии: Л. Мадьяр. Экономика сельского хозяйства в Китае. М. 1928; М. Кокин, Г. Папаян. «Цзинь-тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л. 1930; С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М. 1929; «Об азиатском способе производства». Записки. 1930; «Дискуссия об азиатском способе производства». М.-Л. 1931; «Историк-марксист», 1930, т. 16; «Против механистических тенденций в исторической науке». М.-Л. 1930; «Спорные вопросы методологии истории». Харьков. 1930.

Следует, однако, учесть и слабые стороны дискуссии, дабы избежать повторения прошлых ошибок. Казалось бы, участники обсуждения, если уж они обратились к гипотезе Маркса, должны были четко сформулировать самую проблему, определить круг вопросов, из которых она складывается и которые предстояло обсудить, и рассматривать ее в строго определенных исторических рамках «переходных» или «раннеклассовых формаций», которые, как мы видели, были очерчены К. Марксом и Ф. Энгельсом в 70—80-х годах. Следовало выделить как самостоятельный вопрос проблему переживания старых способов производства, деформированных колониализмом. В полемике 20—30-х годов, к сожалению, произошло смешение самых различных общих и частных вопросов. Спорили сразу обо всем Востоке на всех этапах его развития, от первобытного общества до колониальных форм эпохи капитализма.

Из знакомства с материалами дискуссии создается впечатление, что многие ее участники хватались за то или иное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, чтобы принять или отвергнуть «азиатскую формацию» без анализа творческой лаборатории Маркса и Энгельса³⁰. Поэтому «к отличительным чертам «азиатского» способа производства обычно причисляли (с акцентом на ту или иную черту) устойчивость общины, отсутствие частной собственности на землю, сосредоточение в руках государства надзора и контроля за ирригационной системой, деспотию с разветвленным бюрократическим аппаратом, эксплуатацию непосредственных производителей через ренту-палог»³¹. Отсутствие какой-либо из этих черт служило часто достаточным основанием для противников «азиатской формации», чтобы снять проблему вообще; в свою очередь, наличие той или иной черты укрепляло убеждение сторонников азиатского способа производства в своей правоте. В полемике, на наш взгляд, возобладал известный «географизм», и вообще обсуждение пошло преимущественно по вопросам азиатского континента, порождая иллюзию локального характера понятия «азиатский способ производства».

Особенность дискуссии, как мы уже отмечали, — значительный отрыв теории от изучения конкретно-исторической практики. Работы Л. Мадьяра, М. Кокина и Г. Папаяна и других при всем уважении к их исследовательскому дару были наспех составленными компиляциями, не опиравшимися на серьезную источниковедческую базу и критическую проверку материала, который иногда привлекался из вторых рук. Преодолеть эти недостатки помешало то обстоятельство, что дискуссия была прервана на рубеже подхода к научной проблеме, уяснение характера которой позволило бы начать ее интенсивную исследовательскую разработку.

Этим частично объясняется тот факт, что сейчас многие исследователи древнего мира и особенно Древнего Востока буквально ухватились за понятие «азиатский способ производства», порой до конца и не разобравшись в его существе, думая тем самым разрешить все свои теоретические сомнения, а иногда и просто заблуждения. Но сами сомнения и обращение к введенному К. Марксом понятию вполне объяснимы, если вспомнить известную схематизацию исторического процесса, которая долгие годы теоретически оправдывалась советской философской наукой, когда на долю историка отводилась лишь роль иллюстратора. Такие обстоятельства с течением времени наложили глубокую печать на концепцию рабовладения как первой формы классового общества, тор-

³⁰ Единственная попытка осветить этот вопрос принадлежит Р. Фоксу. См. его статью «Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники». «Летописи марксизма», 1930, III (XIII), стр. 3—29.

³¹ Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 87.

лючили ее совершенствование и дальнейшее развитие. Коротко рассмотрев движение этой концепции за последние 30 лет.

Опыт первой дискуссии об азиатском способе производства, чересчур поспешные и часто неудачные квалификации социальной природы древневосточных обществ как «азиатских», «феодалных» и даже «капиталистических» дали основание востоковедам в начале 30-х годов обратиться к «античному способу производства», чтобы попытаться с помощью этого понятия раскрыть социальную структуру древней Азии. Начало пересмотру прежних взглядов положил В. В. Струве, который, решительно отвергнув свои прежние эклектические (по его же словам) построения, смело выдвинул в 1932—1934 гг. гипотезу о развитом рабовладении на Древнем Востоке³². В последующие десятилетия эта идея с большим историко-филологическим мастерством продолжала тщательно разрабатываться В. В. Струве на материале дворцовых и храмовых хозяйств. Но в целом концепция развитого рабовладения на Востоке очень быстро претерпела существенные изменения.

Еще в ходе ее теоретического оформления она вызывала нарекания даже тех ученых, которые приняли сразу гипотезу В. В. Струве. Если С. И. Ковалев и другие исследователи выступали «против расширительного толкования рабства и слишком полного сближения древневосточного общественного строя с греко-римской античностью»³³, то в 1934 г. А. В. Мишулин высказал сомнение в правильности тезиса о развитом рабовладении, предложив заменить его положением о господстве ранних форм рабовладения³⁴. Уже в конце 30-х годов к этой точке зрения присоединился и сам автор первоначальной гипотезы о развитом рабовладении. Впоследствии тезис А. В. Мишулина стал общепризнанным в советской исторической науке. В адрес В. В. Струве в те же годы последовал и другой упрек — в недостаточном внимании «к той роли, которую играл в истории древневосточных обществ труд свободных производителей материальных благ, схематизм концепции»³⁵. Эта критика, в результате которой первоначальная концепция «развитого рабовладения» претерпела существенные изменения, исходила от сторонников рабовладельческого характера древневосточных обществ и являлась следствием деструктивной работы ученых, не разделявших теорию рабовладения и долго еще продолжавших настаивать на феодальном характере общественного строя Переднего Востока (А. И. Тюменев и Н. М. Никольский).

Обычно в историографии дело представляется таким образом, что сторонники «феодализма на Востоке» постепенно, шаг за шагом, сдавали свои научные позиции и переходили на сторону теории В. В. Струве. На наш взгляд, это неверная интерпретация. Вернее было бы сказать, что обе школы постепенно сближались между собой, обогащая друг друга: шел процесс не отрицания одного научного направления другим, а их синтез. Если школа В. В. Струве сосредоточилась преимущественно на изучении и анализе института рабства, то сторонники феодальной концепции уделяли главное внимание исследованию свободного крестьянского хозяйства в его общинной форме, вскрывая на каждом этапе слабые стороны своих научных оппонентов, заставляя последних все больше и больше заниматься крестьянской общиной на Востоке и существовавшими там частными формами хозяйства. Поэтому та критика, которой подверглась гипотеза В. В. Струве еще в на-

³² В. В. Струве в 1931 г. отказался от концепции феодализма на Древнем Востоке и принял в тогдaшнем ее варианте теорию азиатского способа производства, но вскоре вновь вернулся на свои исходные позиции и придерживался их вплоть до конца 1932 г. См. Н. М. Постовская. Указ. соч., стр. 81—82.

³³ См. там же, стр. 101, 104—105.

³⁴ См. там же, стр. 105.

³⁵ Там же, стр. 111.

чальный период ее выдвижения и с которой он впоследствии согласился, стала возможной благодаря кропотливой работе не разделявших его мнение ученых, давших к тому же толчок к изучению новых аспектов социальной истории Древнего Востока. Все это и позволило достигнуть нового рубежа в изучении древнеазиатских обществ и в конце 40—начале 50-х годов выявить там преобладание труда свободных эксплуатируемых общинников над трудом рабским. Отсюда и последовал вывод, ставший теперь общим достоянием науки, о количественном преобладании на Древнем Востоке людей, не обращенных в рабство и составлявших основной производительный класс³⁶.

Конечно, сам по себе удельный вес той или иной группы зависимого населения в общем народнохозяйственном балансе не может предрешишь вопроса о господстве того или иного типа производственных отношений. К сожалению, тезис о ведущей роли рабства на Древнем Востоке раньше времени стал хрестоматийным фактом, ибо ни в одной работе, даже самой специальной, самой частной, мы не находим его обоснования. Это положение приходилось принимать априорно. Вместе с тем не только не ставился, но прямо обходилась вопрос о типе производственных отношений, о типе эксплуатации в свободных крестьянских общинах³⁷. Таким образом, остался ряд неразрешенных вопросов, вызывавших значительные трудности в исследовании социальных отношений древности. Эти трудности стали особенно очевидны в 50-х годах когда значительное накопление фактического материала по истории древнего Китая, Индии, Африки и Океании доколониального периода (в меньшей мере — доколумбовой Америки), а затем и новые данные о крито-микенской культуре заставили ученых вновь вернуться к рассмотрению исходных принципов гипотезы о рабовладении на Древнем Востоке, к проблеме азиатского способа производства.

Первые же описания вновь исследованных социальных структур обнаружили их сходство с древнеазиатской «примитивно-рабовладельческой» цивилизацией. Но бытующая концепция мало давала для раскрытия их сущности; гипотезе о неразвитом рабовладении предстояло выдержать большое испытание новыми фактами, чтобы не быть замененной другой, более совершенной системой взглядов. Задача становилась тем более важной, что после XX съезда КПСС усилилось внимание к теоретическим проблемам истории. В печати стали появляться статьи, указывавшие на неблагополучие, сложившееся в области изучения социальной истории древности, на негибкость концепции рабовладения в применении к древневосточным обществам³⁸. Академик А. И. Тюменев писал: «Приходится, однако, констатировать, что некоторые изучающие древность и прежде всего историю Древнего Востока советские ученые вместо того, чтобы находить конкретные пути эволюции отдельных народов, иногда обнаруживают обратную тенденцию. Эта тенденция заключается прежде всего в унификации способов эксплуатации, в частности форм рабовладения. В результате специфические формы эксплуатации, практиковавшиеся в странах Ближнего Востока (и прежде всего в странах с ирригационным земледелием), именно эксплуатация наравне с собственно рабским трудом массы непосредственных производителей из среды местного населения, игнорируются, замалчиваются и

³⁶ См. «К изучению истории крестьянства в древности». «ВДИ». 1947, № 1, стр. 1. В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М. 1953, стр. 192; «Всемирная история» Т. I. М. 1955, стр. 140.

³⁷ Подробнее см.: Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. «Народы Азии и Африки», 1965, № 4, стр. 70—71.

³⁸ См. А. И. Тюменев. Передний Восток и античность. «Вопросы истории» 1957, №№ 6, 9; М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. «Вопросы истории», 1960, № 1.

даже отрицаются. В тех же случаях, когда в источниках нет указаний на эксплуатацию труда рабов-военнопленных античного типа, наличие последних просто постулируется без приведения каких-либо доказательств. Такое уклонение с пути конкретного исследования приводит к ложному представлению относительно целого этапа всемирно-исторического развития... Однако такая унификация, такое отождествление путей развития народов Востока и Запада... не только не отвечают требованию марксистской методологии относительно обязательности конкретного подхода к исследованию исторического развития отдельных стран... но и находятся в решительном противоречии с фактическими данными»³⁹.

В стремлении найти выход из сложившегося положения в значительной мере находит объяснение тот перелом в ходе дискуссии о характере раннеклассовых обществ, который произошел после выхода книги акад. Е. С. Варги со специальной главой об азиатском способе производства. Эта глава, повторяя аргументацию сторонников азиатского способа производства в его трактовке конца 20 — начала 30-х годов, тем не менее поставила перед исследовательской мыслью вопрос о «качественной» и «количественной» стороне учения о формациях и открыла новую дискуссию вокруг проблемы азиатского способа производства. Полтора года, прошедшие с начала дискуссии, можно охарактеризовать как первый, предварительный тур: уяснялась сама проблема, началось ее историографическое изучение, наметился круг вопросов, которые необходимо обсудить, появились первые публикации. Дискуссия еще далека от завершения, предстоит большая теоретическая и фактическая разработка вопроса. Слишком сложна проблема, чтобы решить ее поспешными «за» и «против». На данном этапе важно определить на основе опыта прошлого пути подхода к ней, решительно отбросив все догматические наслоения.

Как в советской, так и в зарубежной марксистской историографии обсуждение вопроса началось с изучения теоретического наследия К. Маркса по проблеме азиатского способа производства. Это и естественно. Уже высказаны различные точки зрения относительно содержания понятия «азиатский способ производства» в трудах Маркса. Особый, самостоятельный универсальный способ производства — переходная стадия от первобытного общества к обществу классовому, раннеклассовое общество с отличными от рабовладельческой формации специфическими типами эксплуатации — это первая точка зрения, которая разделяется подавляющим большинством участников дискуссий, прошедших за последние годы в институтах философии, истории, народов Азии. В общем, мы согласны с тем, что ходом исследования К. Маркс подошел к проблеме становления общества и раннеклассового строя, отличного от рабовладельческого. Но дальше этого утверждения, нам представляется, идти нельзя. Попытки конструировать особый способ производства из «вторичных признаков», очерченных К. Марксом (община, государственная собственность на землю, ирригация, деспотизм и т. д.), противоречат самому учению Маркса о типах производственных отношений. Такой путь исследования грозит также ввести науку на путь догматизма. Он создает неразрешимую «загадочную ситуацию», усиливает веру в локальность понятия азиатского способа производства.

Вторая точка зрения, (она, кстати, впервые высказана советскими историками еще в начале 30-х годов) трактует азиатский способ производства как первобытнообщинный строй. Происхождение этой точки зрения становится понятным, если вспомнить, какие соображения за-

³⁹ А. И. Тюменев. Указ. соч. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 51.

ставили К. Маркса ввести понятие «азиатская формация» в свое учение об этапах развития общества. Однако с помощью этой точки зрения мы не находим ответа на вопросы, поставленные новым материалом накопленным исторической наукой.

Совершенно несостоятельной является третья интерпретация азиатского способа производства как географического, локального понятия. Эту точку зрения можно доказать лишь путем прямого насилия над соответствующими текстами. Кстати, сторонники такой интерпретации никогда не выступали с развернутой аргументацией своих позиций путем раскрытия творческой лаборатории К. Маркса. Они обосновывают свои взгляды, в частности, тем, что не находят в европейской истории азиатского способа производства, смешивая таким образом принцип универсальности со всеобщим географическим распространением. «Если встать на такую точку зрения, — справедливо выражает им Н. Б. Тер-Акопян, — то даже капиталистический способ производства нельзя считать универсальным... Универсальность той или иного способа производства — это прежде всего необходимость данной ступени для развития человеческого общества. Где-то эти общества на этой ступени достигают полной зрелости, где-то они проходят ее в ослабленной форме. Народы, позже вступившие в историю, порой и вовсе минуя ту или иную ступень»⁴⁰.

Сторонники «географического» толкования Марксовой категории допускают серьезный методологический просчет и тогда, когда они хотят из черт «азиатской формации», обрисованных Марксом, или даже из одной черты конструировать особый способ производства. Так поступает, в частности, Я. А. Ленцман. Он считает азиатский способ локальным явлением хотя бы потому, что не находит в Микенской Греции верховной собственности на землю и сильной царской власти (деспотизма)⁴¹. Отметим, что в данном случае приверженцы континентального понимания проблемы в значительной мере черпают аргументы тех исследователей, которые в целом правильно интерпретируют К. Маркса, но абсолютизируют все его высказывания, пытаются в общине, деспотизме и т. д. видеть самостоятельную формацию, не допуская при этом и мысли о гипотетичности построений Маркса.

Наконец, явным недоразумением следует считать ту точку зрения, согласно которой азиатский способ производства — азиатская разновидность рабовладения и феодализма. Такое толкование происходит, по нашему глубокому убеждению, из смешения двух различных проблем, которые решал К. Маркс на материале социально-экономической истории азиатских стран: вопроса о раннеклассовом обществе и проблемы переживания способов производства, деформируемых феодализмом. Свои аргументы сторонники этого взгляда черпают высказываниях Маркса о специфических путях развития восточного общества, что ничего общего не имеет с тем, как понимал К. Маркс азиатский способ производства.

В ходе первого тура дискуссии обнаружился один существенный на наш взгляд, недостаток, обусловленный тем, как понимается та или иными учеными проблема азиатского способа производства. Многие участники обсуждения в своих выступлениях пытались объять необъятное — всю писаную историю Востока и даже Европы, сваливая в одну кучу и проблему раннеклассового общества и проблему общины и частного в историческом развитии⁴². Каждый из этих вопросов, пус-

⁴⁰ «Материалы научной сессии» «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», 1965, № 12, стр. 185—186

⁴¹ См. «ВДИ», 1965, № 3, стр. 82.

⁴² Это в значительной мере свойственно и работам французских исследователей очевидно, вследствие того, что их преимущественно интересуют особенности развития африканского континента.

так или иначе взаимосвязанных, имеет самостоятельное значение, и в интересах самой дискуссии их надо обсуждать отдельно.

Но даже те исследователи, которые правильно связывают понятие азиатского способа производства с проблемой изучения ранних классовых обществ, очень часто не делают различия между периодом становления классов и государства и периодом уже сложившегося классового общества. Порой эти два вопроса просто отождествляются: слова «переходное общество», «раннеклассовое общество» выступают как синонимы. Неразграниченность этих двух разных понятий при оперировании материалом древнеазиатских монархий создает впечатление, что сложившиеся в классовом отношении древневосточные общества, существовавшие в течение многих веков и даже тысячелетий, являются «переходными». Это, конечно, противоречит действительным фактам и вызывает совершенно справедливые нарекания специалистов-востоковедов⁴³. Этот недостаток присущ, в частности, работам французских исследователей, которые рассматривают доколониальные африканские структуры как единый комплекс, не выделяя в них двух последовательных этапов развития — классообразования и уже сложившегося общества, хотя бы еще и социально аморфного. Правда, необходимому разграничению в сильной мере мешает и сам фактический материал, ибо он складывается преимущественно из наблюдений европейских путешественников над обществами, которые они застали в начальной стадии их колонизации и которые к этому времени совершили длительную социальную эволюцию. Очень трудно определять характер раннеклассового общества без изучения путей классообразования. И тем не менее, как показали прошедшие дискуссии, — это две разные проблемы, которые надо четко выделять и обсуждать отдельно. Нам представляется особенно важным сосредоточить внимание на уже сложившихся классовых обществах, где рабовладение не являлось господствующим способом производства.

В связи с дискуссиями вырисовался и другой круг вопросов, который относится непосредственно к самой проблеме азиатского способа производства — его черт, временной и пространственной локализации, его универсальной природы. Здесь прежде всего необходимо решить сугубо теоретическую задачу: какой критерий положить в основу выделения формации? Казалось бы, давно решенный вопрос вызывает много споров: тут наблюдается увлечение и юридическими категориями, и технико-экономическими, и географическими, и т. д. Наиболее плодотворным нам кажется критерий, избранный в полном соответствии с марксистской теорией об антагонистическом обществе, — тип эксплуатации как ядро учения о производственных отношениях в антагонистических обществах⁴⁴. В этой связи, повторим еще раз, надо решительно отменить все другие пути выделения особой раннеклассовой формации. Вопрос о временной и пространственной локализации азиатского способа производства может быть решен только в связи с проблемой его универсальности.

В ходе дискуссии привлекался преимущественно материал из истории древневосточных цивилизаций. Велик, конечно, соблазн в свете обсуждаемых проблем вернуться к древнегреческой, древнеримской (I тыс. до н. э.), древнерусской и древнегерманской истории, проверить на основе накопленного материала, не нуждаются ли в новом переосмыслении устоявшиеся характеристики социальной природы этих обществ. Искать до решения этих проблем ответа на вопрос о месте и времени существования азиатского способа производства — дело праздное. Многие ученые склоняются к тому, что речь идет об обществе,

⁴³ См. на этот счет замечания Н. В. Пигулевской («ВДИ», 1965, № 3).

⁴⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. I, стр. 465.

предшествующем рабовладельческой формации. Но тогда возникает новая проблема — соотношения азиатского способа производства и рабовладельческого строя, решать которую пока несколько преждевременно.

Нам представляется целесообразным в качестве ближайшего шага обсудить гипотезу, предложенную в развернутой форме Ю. И. Семеновым, о наличии антагонистического способа производства, предшествующего рабовладельческой формации и характеризующегося не дифференцированностью социальных отношений. Существо этой концепции сводится к тому, что на Древнем Востоке была широко распространена форма эксплуатации человека человеком, противоречивая соединяющая в себе признаки рабства, феодализма и наемного труда и в потенции содержащая в себе разные антагонистические способы производства. Наряду с этим господствующим способом производства на Древнем Востоке, по мнению Семенова, существовал и «прафеодальный» уклад, складывавшийся из взаимодействия двух типов производственных отношений⁴⁵.

Таковы, в общем, те конкретные проблемы, которые сразу же встали в ходе дискуссии об азиатском способе производства. Конечно в полемике всплыло много и других вопросов, таких, например, как «чистое» и «конкретное» общество, как соотношение категорий «формация», «способ производства», «тип производственных отношений» «уклад» и другие, для решения которых потребуются совместные усилия историков, философов и экономистов. Возможно, историческая наука на современном своем уровне потребует новых фактических и теоретических изысканий. Но отвергать самую возможность таких попыток можно лишь при условии, если предать забвению великий научно-революционный принцип: «Без гипотезы нет науки!».

⁴⁵ Подробно см. Ю. И. Семенов. Указ. соч.